произведением.[9] Работа Аввакума над редакциями «Жития» шла не только в направлении более четкого ограничения его текста, но и в направлении усовершенствования его слога, на что обратил внимание Пьер Паскаль: «Он (Аввакум, — *В. Г.*) исправил стиль, изменив порядок слов, чтобы получить более гармоническую клаузулу, вычеркнув повторения, отказавшись — но не последовательно — от архаических и слишком безыскусственных оборотов; он улучшил некоторые места, лишенные ясности».[10]

Итак, то, что на первый взгляд производит впечатление «бесхитростной импровизации», на самом деле является результатом сознательных усилий большого мастера.

В. В. Виноградов произвел стилистический анализ «Жития», проследив «сплетение... двух форм стиля» — формы сказа и проповеди и обусловленное этим своеобразное переплетение церковно-книжных и простонародно-речевых элементов.[11] Мы не будем касаться этой важной особенности стиля «Жития», принятой всеми исследователями.[12] Заметим только, что, на наш взгляд, В. В. Виноградов, а вслед за ним и другие преувеличивают значение литературной традиции в стилистической манере «Жития». «Способ рисовки реальных событий, — писал В. В. Виноградов, — определяется той церковно-библейской литературой, в кругу которой вращалась творческая интуиция Аввакума».[13] Дальше мы попытаемся выяснить, что́ определяет стиль «Жития» в целом. Что же касается книжных речений и библейской символики в «Житии», то они, думается, возникали по ассоциации с реальными образами, рождающимися из первоисточника — самой действительности, и лишь придавали этим образам аллегорическое толкование. Появление в «Житии» таких образов, как буря, волокита, зима, плавание, корабль, и их метафорическое развитие, а также наличие терминологии, связанной с драками, пытками, мучениями и т. п., объясняются в первую очередь реальными обстоятельствами жизни Аввакума. Думается, что именно реальные факты вызвали в памяти Аввакума сходные библейские ситуации и образы, а не наоборот, библейские символы рождали живые картины «Жития». Нельзя не согласиться с Рудольфом Ягодичем, который пишет, что «народный реализм — основная черта его живого, меткого стиля».[14]

Некоторые исследователи образец стиля «Жития» ищут в житийной литературе. К этому склонялся, в частности, и Пьер Паскаль в работе «Аввакум и начала раскола», однако во втором издании своей книги «Житие протопопа Аввакума» французский исследователь пришел к выводу, что «Аввакум не мог подчиниться предписаниям агиографического жанра»,

---

[9] Разная жанровая природа и самостоятельный характер отдельных частей сочинения Аввакума осознавалась уже его современниками: полемические и поучительные статьи, помещенные в рукописи за пределами «Жития», имели вполне самостоятельное хождение в старообрядческой среде.

[10] Pascal, Avvakum, стр. 487.

[11] Русская речь, стр. 215. К вопросу о жанре «Жития» мы предполагаем обратиться в специальном исследовании.

[12] Кроме русских авторов, назовем Рудольфа Ягодича, отметившего, что «при помощи такого соединения... Аввакум обеспечил себе сильнейшее воздействие и наиболее широкие выразительные возможности, и вместе с тем он создал таким образом один из стилистических феноменов мировой литературы» (Das Leben des Protopopen Avvakum von ihm selbst niedergeschrieben. Übersetzung aus dem Altrussischen nebst Einleitung und Kommentar von Rudolf Jagoditsch. Berlin, 1930, стр. 65—66 (в дальнейшем: Jagoditsch); см. также указанные работы П. Паскаля.

[13] Русская речь, стр. 211; ср. стр. 214, 231, 234. См. также: Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум. В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. АН СССР, 1948, гл. IX, § 1 (2), стр. 318. Впрочем, и Н. К. Гудзий, и Д. С. Лихачев в целом признают превалирование простонароднoречевой стихии.

[14] Jagoditsch, стр. 67.